

§5 ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ

Семченков А. С.

ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных военных угроз национальной безопасности в контексте процессов глобализации. К числу данных особенностей относятся: колоссальный пространственный размах, определяющий глобализацию военной стратегии; широкое использование методов политической и экономической изоляции государств-жертв агрессии; ведение современных войн на коалиционной основе; перенос центра вооруженной борьбы в воздушно-космическую и информационную сферы противоборства; повышение значения околоземного космического пространства для ведения военных действий; трансформация радиоэлектронной борьбы из вида боевого обеспечения в вид боевых действий; интенсификация инновационных изменений в области совершенствования вооружений, военной и специальной техники; Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Также к особенностям современных военных угроз национальной безопасности в контексте процессов глобализации относятся: отсутствие сплошной линии фронта, соприкосновения противоборствующих сторон друг с другом; интернационализация внутренних конфликтов, прямое или косвенное вовлечение в столкновение международных экстремистских и террористических организаций, иностранных государств и спецслужб, и другие. Учитывая особенности современных военных угроз, автор формулирует приоритеты Российского государства, общества и граждан по предотвращению и сдерживанию войн.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, конфликт, государство, дипломатия, интересы, НАТО, ценности, безопасность.

Review. The article examines the traits of modern military threats to national security in the context of globalization. They are characterized by the following: an enormous spatial scope that defines the globalization of military strategy; extensive use of political and economic isolation of the victim states; coalition-based warfare; the shifting of armed conflict to the aerospace and information arenas; the growing importance of near space for warfare; the transition of electronic warfare combat from combat support to

a form of warfare; intensification of innovation in the weapons industry, military and special equipment. The methodological basis of the study includes a systemic, structural-functional, comparative-historical, comparative political, geopolitical, cultural and civilizational approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, observation. Among the modern threats to national security is the lack of a solid line of contact between the opposing sides; the internationalization of internal conflicts, direct or indirect involvement of foreign governments, intelligence services, and others. Considering the characteristics of modern military threats, the author formulates the priorities for the Russian state, society and citizens that would prevent and deter wars.

Keywords: *interests, diplomacy, state, conflict, Russia, foreign policy, international relations, NATO, values, security.*

Глобализация связана не только с экономическими, информационными и культурными переменами в мире, в немалой степени она затронула и сферу межгосударственной вооруженной борьбы.

В настоящее время сформировался целый ряд источников военных угроз, которые несут потенциальный ущерб многим государствам мира, в том числе и нашей стране. Это курс руководства США на удержание мирового лидерства, расширение их экономического, политического и военного присутствия в регионах традиционного влияния других великих держав. Это также реализация планов по дальнейшему расширению и продвижению НАТО на восток, введение в практику западных стран силовых акций в обход общепризнанных принципов и норм международного права. Источником военных угроз выступают существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов. Угрозу несет и возможность подрыва стратегической стабильности вследствие нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, их качественного и количественного наращивания другими странами. Опасно распространение ядерного и иных видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и новейших технологий военного производства, а также попытки отдельных государств, организаций и террористических групп реализовать свои цели с использованием этих средств. Источником угроз являются территориальные претензии, борьба за доступ к энергетическим ресурсам, международный терроризм, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в тех или иных странах мира вследствие противоправной деятельности националистических, сепар-

ратистских структур, враждебные действия в информационной сфере^[1].

Говоря о специфике современных и перспективных военных угроз в эпоху глобализации, стоит выделить следующие характерные изменения в ведении вооруженной борьбы между государствами.

Прежде всего, исследователи отмечают приобретаемый военными действиями **колоссальный пространственный размах, определяющий глобализацию военной стратегии**. Это выражается в расширении сфер ведения вооруженной борьбы практически на все наземное, океанское и воздушное пространство^[2]. В данной связи система командования вооруженными силами в ряде ведущих стран мира также приобретает вид глобальной информационно-управляющей сети. В ней реализуется концепция единого информационного пространства, в рамках которого объединены все имеющиеся средства разведки и органы военного управления, обеспечивается оперативность принятия командирами разных уровней решений в течение нескольких минут. Для ведения войны создаются разведывательно-ударные системы тактического, оперативного и стратегического масштаба, в которых взаимоувязаны средства разведки и связи, огневого поражения, радиоэлектронной борьбы и информационного воздействия от разных видов и родов войск. Таким образом, создаются объединенные (межвидовые) группировки сухопутных войск, авиации и флота.

На начальном этапе межгосударственного конфликта до перехода к вооруженному столкновению его сторон довольно часто используются методы **политической и экономической изоляции** государств-жертв агрессии. Они объявляются «изгоями», якобы несущими уг-

розу для США и других стран, разворачивается мощная информационно-психологическая кампания для формирования соответствующего общественного мнения и обеспечения поддержки со стороны американской общественности и мирового сообщества. В отношении стран «изгоев» вводятся политические и экономические санкции, а на несогласные с этим государства оказывается давление. Все эти меры необходимы для легитимации подготавливаемых военных акций [3].

Против стран-объектов нападения устанавливается морская и (или) воздушная блокада (в виде режима бесполетной зоны). Все эти меры позволяют ослабить государства экономически, обеспечить их международную изоляцию и создать предпосылки для достижения господства на море и в воздухе — необходимых условий эффективного применения военной силы и последующего разгрома противника.

Современные войны ведутся на **коалиционной основе**. Причем эта особенность, ранее характерная в основном для мировых и крупномасштабных конфликтов, распространяется ныне и на локальные войны, состав участников, по крайней мере, с одной из сторон которых может быть весьма широким.

Для современных войн и вооруженных конфликтов характерны следующие **способы ведения вооруженной борьбы**. Это, во-первых, последовательное завоевание превосходства в космосе, воздухе и на море, взятие под контроль разведывательными средствами района предстоящих военных действий. Во-вторых, нанесение ударов всеми имеющимися видами высокоточного оружия, с одновременным поражением наиболее важных объектов военного и государственного управления, экономики и жизнеобеспечения, группировок войск в районе (регионе) конфликта. В-третьих, стремительное продвижение войск в глубину намеченной к захвату территории, изоляция района военных (боевых) действий и взятие под контроль жизненно важных объектов инфраструктуры, коммуникаций, административно-политических центров [4].

В основе роста масштабов ведения вооруженной борьбы в свою очередь лежат повышение маневренности и мобильности войск, а так-

же значения **фактора внезапности** в ведении военных и боевых действий.

Внезапность позволяет создать подавляющее превосходство над противником по действительным значениям боевого потенциала группировок войск. Большими возможностями в этом сегодня обладают США и НАТО. Они могут начать войну с нанесения воздушных ударов еще до проведения (либо завершения) оперативного развертывания группировок войск. В данном случае мобилизационное развертывание обороняющейся стороны до начала войны оказывается неосуществимым: соединения и части сокращенного состава будут отвлечены на месяц на отмобилизование и боевое слаживание, и имеющийся у них реальный боевой потенциал в это время не будет применен [5].

Внезапность начала военных действий заключается в нанесении по войскам и инфраструктуре противника неожиданного и наиболее мощного первого разоружающего удара. Ему, как правило, предшествует «электронный шок» — массированное применение нападающей стороной средств радиоэлектронного подавления для дезорганизации государственного и военного управления в обороняющейся стране. Вслед за «электронным шоком» проводится воздушная (воздушно-космическая, морская воздушно-космическая) наступательная операция, содержание которой составляют удары авиационными и корабельными крылатыми ракетами, действия разведывательно-ударных и разведывательно-огневых комплексов, беспилотных летательных аппаратов [6].

США и их союзникам удавалось достичь не стратегической, а оперативной внезапности. Стратегические замыслы этих государств были, в общем, известны. Оперативная же внезапность достигалась за счет сохранения в тайне планов операций, эффективной дезинформации на всех уровнях и использования новых приемов развязывания военных действий [7].

Изменяются временные параметры вооруженной борьбы вообще. Это выражается в сокращении времени на подготовку операций (боевых действий) за счет задействования мобильных сил, сил быстрого реагирования, способных решать задачи без предварительного отмобилизования. Изменение временных параметров проявляется и в росте скоротечности

боевых действий вследствие сокращения времени на сбор, обработку и доведение информации об обстановке, а также из-за применения высокоскоростных средств и систем вооружения^[8].

Требования повышения внезапности и скоротечности боевых действий закладываются в **концепции применения вооруженных сил** западных стран. Исследователи отмечают появление новой формы военных действий — сетевых операций и войн (netwars), что создает принципиальную возможность реанимации блицкрига — «молниеносной войны нового поколения»^[9]. По мнению экспертов, прежде существовали определенные пространственные границы, вне которых взаимодействие раздельно наступающих групп войск в операции не обеспечивалось. Однако новые информационные технологии значительно расширили эти пределы — вся информация о положении дел, в том числе и наглядная, стала доступна практически всем активным участникам вооруженной борьбы. Взаимодействие стали организовывать не путем объединения в решающих пунктах раздельных групп войск, а путем объединения их огневых и информационных возможностей. Это позволило впервые в истории военного искусства преодолеть пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления. Новые информационные технологии обеспечивают твердое руководство и постоянное взаимодействие пространственно разделенных тактических группировок войск, поддерживающих между собой связь и координирующих свои действия в интересах проведения совместных операций. Данное обстоятельство меняет характер современных операций: все процессы управления и сами боевые действия становятся более динамичными, активными и результативными, в них исчезают тактические и оперативные паузы, которыми противник мог бы воспользоваться.

Операции получают новое содержание, которое изначально предполагает проведение быстрых и решительных маневров не только на флангах, но и в глубоком тылу противника. При этом, как свидетельствуют результаты исследований, такие действия могут вестись в форме центрально-сетевых операций межвидовых тактических группировок, управляемых из единого стратегического центра и одновре-

менно действующих по отдельным ключевым элементам системы государственного и военного управления, частям и подразделениям «сил ответного удара (возмездия)» на всей территории противоборствующей стороны. «Основная задача центрально-сетевых операций — с первых минут войны захватить стратегическую инициативу переносом боевых действий в стратегическую глубину обороняющихся войск и не дать возможности обороняющейся стороне осуществить не только стратегическое, но и оперативное развертывание своих группировок вооруженных сил»^[10].

Концепция сетевых боевых действий реализуется в планах военного строительства стран — членов НАТО: создании сил быстрого реагирования альянса^[11], совместных сил быстрого реагирования Франции и Великобритании, Европейского Союза, перестройке инфраструктуры, системы планирования Пентагона для перехода к концепции «10–30–30». Ее суть заключалась в том, что «после получения соответствующего приказа за 10 дней вооруженные силы США должны быть переброшены в любую точку земного шара и начать боевые действия. За последующие 30 дней американские войска должны разбить силы противника и лишить его возможности возобновить организованное сопротивление в обозримом будущем. В течение еще 30 дней войска должны провести перегруппировку и быть готовыми к выполнению нового боевого задания и к переброске в другой регион планеты»^[12].

Требования повышения внезапности и скоротечности предъявляются к разработке новых форм применения стратегических наступательных сил США, в частности, в концепции «быстрого (стремительного) глобального удара». Данная концепция (ее также обозначают по-английски как Global Strike Joint Integrating Concept, Prompt Global Strike, Global Strike Solutions) заключается в разработке технологических вариантов для борьбы с сетью государств-изгоев, негосударственных игроков и террористов, обладающих оружием массового уничтожения. Глобальный удар мыслится как скоординированное массированное поражение в сжатые сроки (от нескольких секунд до нескольких дней) систем связи, боевого управления и разведки, а также наиболее боеспособных

сил противника, осуществляемое на начальном этапе военной операции в интересах создания условий для последующих решительных действий группировки вооруженных сил США по достижению конечных оперативных и стратегических целей^[13]. Предполагается, что в результате нанесения глобального удара с применением неядерных баллистических и гиперзвуковых крылатых ракет^[14], сопровождаемого операциями радиоэлектронной и психологической борьбы, противник должен лишиться возможности контролировать обстановку и осуществлять противодействие^[15].

Осуществление концепции и соответствующей программы идет полным ходом: уже ведутся исследования в области гиперзвукового оружия, оружия космического базирования^[16], в структуре ВВС создано командование глобального удара, которому оперативно подчинены стратегические неядерные силы США. Говоря о последствиях реализации данной программы и о возможном практическом использовании «быстрого глобального удара» в ведении военных действий, эксперты приходят к общему мнению о дестабилизирующей роли этой концепции для поддержания стратегического равновесия между великими ядерными державами, ограничения гонки вооружений между ними. Реализация «быстрого глобального удара» несет немалые риски для обороны стран, не входящих в блок НАТО, поскольку усиливает американский потенциал превентивного неядерного контрсилового удара, нанесение которого возможно не только по террористам и государствам-изгоям^[17].

Также произошел **перенос центра вооруженной борьбы в воздушно-космическую и информационную сферы противоборства**. Данное обстоятельство связано с повышением роли боевой авиации в огневом поражении войск противника на достаточно большом удалении от аэродромов базирования (до 600–1200 км) путем нанесения ударов управляемыми авиабомбами и противорадиолокационными ракетами^[18]. Повысилась досягаемость тыла противника для сил воздушно-космического нападения. Это позволяет им наносить удары на всю глубину территории обороняющихся государств, как последовательно, так и одновременно поражать его объекты^[19]. Достижение

превосходства над противником в воздушно-космической сфере становится неперенным условием достижения целей войны^[20].

Большое значение не только с точки зрения разведывательного, навигационного, гидрометеорологического и иных видов обеспечения военных действий, но и применения ударных сил приобретает **околоземное космическое пространство**. В перспективе весьма вероятно размещение в ближнем космосе боевых орбитальных систем, располагающих для поражения объектов в околоземном пространстве и на земле боевыми платформами, воздушно-космическими самолетами и кораблями многоразового использования. Интеграция ударных и обеспечивающих систем авиационного, ракетного и космического компонентов приведет к созданию в недалеком будущем глобальной разведывательно-ударной системы, способной решать задачи вооруженной борьбы в воздушно-космической сфере фактически в реальном масштабе времени^[21]. Последнее приведет к еще большему расширению пространства вооруженной борьбы, вероятному появлению такой формы военных действий, как воздушно-космическая операция.

В современных войнах серьезно повысился статус **радиоэлектронной борьбы**, которая из вида боевого обеспечения трансформируется в вид боевых действий, а средства радиоэлектронного подавления становятся в один ряд с обычным и ядерным оружием. Интеграция средств радиоэлектронной борьбы со средствами радио-, радиотехнической и радиолокационной разведки, а также с системами высокоточного оружия и автоматизированными системами управления войсками приведет к преобразованию огневого поражения в электронно-огневое.

Смежной по отношению к радиоэлектронной борьбе является сфера **информационного противоборства**. Применение информационного оружия уже позволяет парализовать не только системы управления войсками и оружием, но и управления государством, критической банковской, транспортной, энергетической и прочей инфраструктуры, подавить волю противника. Тем самым достигается информационное превосходство над обороняющимся государством, препятствующее ему непрерывно собирать, обрабатывать и распределять необ-

ходимую для принятия решений информацию об обстановке^[22]. Интенсивное развитие информационных и коммуникационных средств и технологий, появление глобальной информационной инфраструктуры, в которую вовлечены миллиарды людей во всем мире, предопределяет и перенос борьбы между государствами в эту область. Такое **кибернетическое противоборство**, охватывающее глобальные социальные сети, блогосферу, приобретает не только техническое, но и психологическое измерение.

Глобализация военной стратегии также обусловлена **интенсификацией инновационных изменений в области совершенствования вооружений, военной и специальной техники**. Последнее находит свое воплощение в постоянном обновлении систем вооружений, применяемых в современных локальных войнах и вооруженных конфликтах, и происходит это скачкообразно. Основное оружие современных войн — высокоточное, обеспечивающее дистанционное и избирательное поражение противостоящих войск и государств, разрушение их экономического потенциала и подавление воли к сопротивлению агрессии.

В среднесрочной перспективе ожидается дальнейшее развитие космических и роботизированных систем, оружия на новых физических принципах, автоматизация управления войсками и оружием и внедрение в эти процессы искусственного интеллекта. Вооруженная борьба не только выйдет в околоземное пространство, но и переместится в иные сферы (геофизическую, техносферную, психотронную области и т.д.). Весьма вероятен скачок в развитии новых видов оружия, прежде всего, основанного на новых физических принципах (акустического, генетического, инфразвукового, лазерного, психотропного, пучкового, радиочастотного, электромагнитного и др.).

Еще одной специфической характеристикой современных войн является **отсутствие сплошной линии фронта, соприкосновения противоборствующих сторон друг с другом**. Данная черта находит свое выражение в наличии открытых флангов, промежутков и разрывов в оперативном построении войск. Подобные изменения вызваны возможностью нанесения по ним ударов дальнобойным высокоточным оружием, систематического и из-

бирательного поражения ключевых объектов действующей армии, государственного и военного управления, инфраструктуры военной экономики и жизнеобеспечения населения обороняющейся страны. Вооруженные силы западных стран осуществляли такое дальнейшее огневое поражение, стремясь не вступать в непосредственное столкновение с сухопутными войсками противника и нанося удары с воздуха и моря^[23]. Это, однако, не означает, что сухопутные войска не вводились в сражение вовсе: они применялись в соответствии с иными принципами ведения боевых действий. Сухопутные части продвигались под прикрытием с воздуха в предбоевых порядках на направлениях, где была слабая или полностью отсутствовавшая оборона противника. Районы боевых действий изолировались за счет нанесения авиаударов по резервам и коммуникациям обороняющейся стороны. Очаги сопротивления обходились, опорные пункты и укрепленные районы блокировались, а там, где требовался прорыв обороны, осуществлялось длительное огневое поражение войск^[24].

В целом, исследователи полагают, что характерными чертами современных военных конфликтов выступают следующие особенности. Прежде всего, сокращаются сроки стратегического и оперативного развертывания войск (сил) на театрах военных действий. Приоритет в военных действиях в воздушно-космической сфере отдается наступательным видам, а оборона рассматривается как вынужденный шаг. В операциях, в первую очередь, задействуются те силы и средства, которые обеспечивают нанесение ударов по важнейшим компонентам боевого потенциала противника. На первый план выдвигаются формы и способы военных действий, предполагающие применение максимально рассредоточенных группировок разнородных сил и средств. Массированное применение сил и средств сочетается с непрерывным длительным воздействием на противника с различных направлений максимально рассредоточенными силами и средствами вооруженной борьбы. Наконец, возрастает роль и значение мобильности войск (сил) не только на тактическом и оперативном, но и на стратегическом уровнях^[25].

Для современных вооруженных конфликтов, разворачивающихся внутри госу-

дарств, характерны несколько иные особенности и акценты. Это повсеместная мобилизация и вооружение населения, создание из его состава и заблаговременная подготовка незаконных вооруженных формирований. Это также проведение масштабных и резонансных террористических акций в районе столкновения и административно-территориальных центрах. Это и интернационализация конфликта, прямое или косвенное вовлечение в столкновение международных экстремистских и террористических организаций, иностранных государств и спецслужб и др. [26].

Многими чертами, характерными как для войн, так и для внутренних вооруженных конфликтов, обладают современные «**цветные революции**». Исследователи подчеркивают неотъемлемость фактора военной силы для данной разновидности государственных переворотов, рассматриваемых на примерах, прежде всего, Ливии и Сирии. Динамика «цветной революции» включает несколько этапов.

На первом этапе субъект дестабилизации стремится разжигать имеющиеся в государственной жертве агрессии зачастую скрытые межэтнические, межконфессиональные, социальные и территориальные противоречия, углубляя линии внутренних расколов.

На втором этапе эти противоречия из латентных проблем превращаются в открытые, и возникает противостояние оппозиции и экстремистов, якобы выражающих интересы дискриминируемого большинства, и власти, представляющей привилегированное меньшинство.

На третьем этапе в случае активного сопротивления правящего класса передать власть оппозиции и экстремистам противостояние переходит в фазу гражданской войны. Иностранная великая держава или коалиция держав начинает оказывать дипломатическое и иного рода давление на правительство нестабильной страны с тем, чтобы оно отказалось задействовать имеющиеся у него силы для восстановления законности и правопорядка. По мере развертывания оппозицией и экстремистскими организациями военных действий против правительственных войск иностранные государства как третья сила в конфликте начинают оказывать экономическую и военную помощь первым. Их бесперебойно снабжают боеприпасами, вооружением

и военной техникой, материальными средствами для дальнейшего ведения военных действий.

На четвертом этапе коалиция иностранных держав может провести военную операцию с целью разгрома правительственных войск и прихода к власти оппозиции и экстремистских сил. Содержание военной операции, проводимой коалицией, составляют масштабные действия вооруженных формирований оппозиции и экстремистов, частных военных компаний, авиационные и ракетные удары, боевые действия военно-морских сил и сил специальных операций. Военные действия ведутся в воздушной, наземной, морской и информационной сферах борьбы. Широко используются космические средства и беспилотная авиация. Действия формирований оппозиции и экстремистов и вооруженных сил коалиции четко организованы, согласованы и увязаны между собой по целям, задачам, времени и объектам. Границы фронта и тыла оказываются размытыми, боевые действия ведутся на всей территории страны преимущественно в городах. Террор в отношении их населения принимает массовый характер, сама война становится криминализованной. В целом, подобные военные операции сочетают как классические действия, так и иррегулярные формы вооруженной борьбы [27].

Рассмотренные выше особенности современных военных угроз предвещают некоторые новые требования к **системе мер и действий Российского государства, общества и граждан по предотвращению и сдерживанию войн.**

Приоритетами в сфере совершенствования вооруженных сил выступают стратегические силы сдерживания (ядерные и неядерные), силы воздушно-космической обороны и военная авиация, флот, силы радиоэлектронной борьбы, специальных операций. Также приоритетом в области военного строительства и применения вооруженных сил является создание таких группировок войск, которые не позволили бы противнику сосредоточить военные действия только на территории, в акваториях, воздушном и околоземном пространстве обороняющегося государства, что весьма характерно для современных бесконтактных войн. Целесообразным становится перенос военных действий сразу на территорию нападающей стороны, дабы она

не смогла действовать безнаказанно и осознавала собственную уязвимость. В этой связи важно дальнейшее развитие систем вооружений, предназначенных для дальнего огневого поражения противника.

Сохранят свое значение для стратегического сдерживания военной агрессии стратегические ядерные силы. Возможность их конвенционального и неконвенционального применения позволяет не допустить развязывания войн с использованием или без использования оружия массового уничтожения. Повышению порога применения ядерного оружия будет способствовать создание сил неядерного сдерживания, как общего, так и стратегического назначения.

Необходимым становится и дальнейшее развитие собственной национальной глобальной информационно-управляющей сети, в которой реализуется концепция единого информационного пространства вооруженных сил. Важным становится и создание межвидовых группировок войск (сил), проводящих операции в соответствии с сетевыми принципами ведения боевых действий.

Для недопущения международной изоляции обороняющемуся государству накануне войны стоит заблаговременно сформировать систему связей и отношений с потенциальными противниками, оппонентами, конкурирующими и нейтральными странами на основе асимметричной взаимозависимости в торгово-экономической, промышленной, научно-технической, технологической и иных областях сотрудничества. Подобная взаимозависимость при этом должна выстраиваться в пользу обороняющейся стороны. В информационной сфере необходимо проведение кампаний по делегитимации в глазах мирового сообщества практики применения военной силы без санкции ООН.

Обороняющееся государство также не должно оставаться в одиночестве перед лицом военных угроз, и поэтому необходимым для него становится создание союзов, коалиций, установление стратегического партнерства с дружественными странами в области международной военной и коллективной безопасности.

Для нейтрализации предпосылок достижения нападающей стороной господства на море,

в воздухе и космосе необходимо укрепление флотов на соответствующих направлениях, а также сил воздушно-космической обороны, которые обеспечили бы суверенитет и неприкосновенность границ обороняющейся страны во всех физических средах. Для борьбы с существующими и перспективными силами воздушно-космического нападения целесообразна интеграция всех войск, участвующих в его отражении, под одним командованием уже в мирное время. В строительстве войск воздушно-космической обороны важным приоритетом становится дальнейшее развитие систем разведки, управления, огневого и неогневого поражения и подавления противника.

Поскольку достаточного времени на от мобилизацию войск в условиях современной войны может не оказаться, актуальной задачей предотвращения агрессии является перевод всех частей и соединений вооруженных сил обороняющегося государства в состояние повышенной боевой готовности.

Во избежание вывода из строя объектов и сегментов критической инфраструктуры, дезорганизации государственного и военного управления, вызванных кибернетическими атаками, в обороняющейся стране целесообразно создать свое национальное кибер-командование и части. Ответом на массированное применение нападающей стороной средств радиоэлектронного подавления в операции «электронного шока» является развитие обороняющимся государством войск радиоэлектронной борьбы, их вооружения и форм применения.

Боевая устойчивость стратегических сил сдерживания и воздушно-космической обороны невозможна без мощных сухопутных войск. В число их задач, вероятно, войдут проведение армейских и корпусных операций, боевых действий в условиях отсутствия сплошной линии фронта. Сухопутные войска совместно с внутренними войсками будут решать и задачи территориальной обороны страны, борьбы с силами специальных операций, диверсионно-террористическими формированиями противника. Наряду с этим актуальным становится и дальнейшее строительство отечественных сил специальных операций, столь необходимых для борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями как международных, так и вну-

тренних экстремистских и террористических организаций.

Рассматривая содержание недавно принятой указом главы государства новой редакции Военной доктрины РФ^[28] с точки зрения учета специфики современных войн и вытекающих из этого требований к политике их предотвращения и сдерживания, следует отметить практически полное соответствие текста данного документа этим критериям. Более того, многие из требований уже учтены в текущем строительстве вооруженных сил нашей страны. Речь идет о наделении сил общего назначения функциями неядерного сдерживания, создании единого информационного пространства вооруженных сил, переходе в ближайшей перспективе сил воздушно-космической обороны под единое командование, переводе всех воинских формирований в число соединений и частей постоянной готовности, закупке современных средств радиоэлектронной борьбы, образовании сил специальных операций и в скором времени кибернетического командования, и т.д.

В последнее время в ходе учений отрабатываются задачи по поддержанию мобилизационной готовности экономики Российской Федерации, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в установленных им сферах деятельности на необходимом уровне. Как меры стратегического сдерживания реализуются целевые программы по повышению эффективности военно-патриотического воспитания граждан России и их подготовки к военной службе.

В сфере укрепления международной безопасности Россия развивает совместно с союзниками систему коллективной безопасности ОДКБ, усиливает взаимодействие в данной области в рамках СНГ, ОБСЕ, ШОС, активно сотрудничает с членами БРИКС, в особенности с Китаем и Индией. РФ обеспечивает совместную оборону и безопасность с Абхазией и Южной Осетией, стремится вести равноправный диалог по проблемам европейской безопасности с Евросоюзом и НАТО, содействует построению в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах. Россия участвует и в кооперации с этими и другими государствами и организациями по борьбе с ме-

ждународным терроризмом, взаимодействует с ними в области мониторинга объектов и процессов в околоземном пространстве.

В предотвращении военной агрессии РФ эффективно используются невоенные средства, что продемонстрировали события в Сирии. В условиях режима экономических санкций, введенного против Российской Федерации, ее государственных, общественных деятелей и предпринимателей нередко сдерживающим образом действуют на российских визави установившиеся между ними и нашей страной связи асимметричной взаимозависимости.

В то же время представляется мало оправданным то значение в ряду мер по предотвращению и сдерживанию войн, которое придается заключению и соблюдению международных договоров и соглашений в области: сокращения и ограничения ракетно-ядерных вооружений; контроля над обычными вооружениями; предотвращения размещения в космическом пространстве любых видов оружия; регулирования безопасного осуществления космической деятельности, включая безопасность операций в космическом пространстве в их общетехническом понимании. С одной стороны, все эти меры не заявлены первоочередными в перечне мероприятий предотвращения войн. С другой стороны, международно-правовые ограничения никогда не служили серьезным препятствием для великих держав при обеспечении ими своей военной безопасности выгодными для них путями. В частности, США вышли из договора об ограничении систем стратегической противоракетной обороны и нарушают положения договора о ракетах средней и меньшей дальности, толкуя его нормы весьма произвольно. КНР вообще не участвует в договорах об ограничении ракетно-ядерных вооружений. Режим нераспространения ядерного оружия и технологий его производства не помешал обзавестись ими Индии, Пакистану и другим неофициальным членам ядерного клуба. Поэтому договоры в этих областях являются только полезным дополнением к реализуемым РФ самостоятельно и с союзниками мерам стратегического сдерживания и предупреждения военных конфликтов.

Создание условий снижения риска использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях

осуществляется в рамках деятельности РФ, ее союзников и партнеров по обеспечению международной информационной безопасности^{[30][31]}.

В целом, следует согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые полагают, что главные угрозы безопасности государств объективно существуют и реализуются не только и не столько за счет военной силы и различных форм ее применения, сколько за счет задействи-

вания технологий политико-дипломатической, экономической, информационной борьбы, различных подрывных действий и вмешательства во внутренние дела других стран. Данные военные и невоенные угрозы невозможно отделить друг от друга, зачастую дипломатическое давление или экономические санкции подкрепляются вооруженной блокадой и иными формами силового воздействия^[29].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балуевский Ю. Н. Теоретические и методологические основы формирования Военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. 2007. № 3. С. 16.
2. Чекинов С. Г. Прогнозирование тенденций военного искусства в начальном периоде XXI века // Военная мысль. 2010. № 7. С. 22.
3. Ташлыков С. Л. Общие черты и некоторые особенности современных военных конфликтов с участием США и их союзников // Военная мысль. 2010. № 8. С. 21.
4. Малышев А. И. Военная стратегия Российской Федерации в начале XXI века // Военная мысль. 2007. № 11. С. 20.
5. Нарышкин В. Г. К вопросу о соответствии облика Вооруженных Сил Российской Федерации статусу страны и их предназначению // Военная мысль. 2009. № 12. С. 5.
6. Чекинов С. Г. Цит. соч. С. 27.
7. Ташлыков С. Л. Цит. соч. С. 23.
8. Горбунов В. Н., Богданов С. А. О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная мысль. 2009. № 3. С. 6.
9. Демидюк А. В., Хамзатов М. М. «Молниеносная война» нового поколения: возможный сценарий // Военная мысль. 2004. № 10.
10. Хамзатов М. М. Влияние концепции сетецентрической войны на характер современных операций // Военная мысль. 2006. № 7. С. 15–16.
11. Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 152–163.
12. Демидюк А. В., Хамзатов М. М. Цит. соч. С. 77–78.
13. Сатаров В. Стремительный глобальный удар // Красная звезда. 2007. 18 сентября.
14. Орлов А. Новое оружие для быстрого глобального удара появится у США не раньше 2015 года: докл. Пентагона // Известия. 2007. 11 августа.
15. Сатаров В. Цит. соч.
16. Карев И. Полет со многими неизвестными // Военно-промышленный курьер. 2010. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: http://www.vpk-news.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=14690&Itemid=7 (дата обращения: 12.05.2010).
17. Дьяков А. С. «Быстрый глобальный удар» против СНВ-1 // Независимое военное обозрение. 2007. 14 сентября; Резчиков А. Цена глобального удара // Взгляд.ру. 2007. 6 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2007/8/6/99175.html> (дата обращения: 06.08.2007) и др.
18. Чекинов С. Г. Цит. соч. С. 29.
19. Горбунов В. Н., Богданов С. А. Цит. соч. С. 5.
20. Корнуков А. М. О возрастании роли противоборства в воздушно-космической сфере и задачах ВВС в военных действиях в XXI веке // Военная мысль. 2001. № 5. С. 8.
21. Там же. С. 8.
22. Сержантов А. В., Мортофляк А. П. Анализ особенностей современных военных конфликтов // Военная мысль. 2011. № 5. С. 41.
23. Чекинов С. Г. Цит. соч. С. 22–33.

24. Сержантов А. В., Мортофляк А. П. Цит. соч. С. 39–44.
25. Мальшев А. И. Военная стратегия Российской Федерации в начале XXI века // Военная мысль. 2007. № 11. С. 23–24.
26. Сержантов А. В., Мортофляк А. П. Цит. соч. С. 44.
27. Зарудницкий В. Военные аспекты «цветных революций» / Тихонов А. Откуда исходят угрозы миру // Красная звезда. 2014. 27 мая.
28. Военная Доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 26.12.2014).
29. Гареев М. А. Структура и основное содержание новой Военной доктрины России // Военная мысль. 2007. № 3. С. 5.
30. Манойло А. В. Национально-государственные модели психологического управления конфликтами. // Обозреватель-Observer. — 2008. — № 2. — С. 118–123.
31. Манойло А. В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. — 2008. — № 1. — С. 124–128.
32. Ласария А. О. Особенности этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Международные отношения. — 2015. — 1. — С. 75–77. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13507.
33. Гушер А. И. Вызовы и угрозы безопасности России // Мировая политика. — 2014. — 1. — С. 64–75. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
34. Калачев Д. Н. Проблемы адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе // Международные отношения. — 2015. — 1. — С. 92–97. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13711.
35. Галвес Деролле П. Brazil — New Age // Конфликтология / nota bene. — 2014. — 1. — С. 136–139. DOI: 10.7256/.2014.1.13181.
36. Бородинов Е. Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // Мировая политика. — 2014. — 3. — С. 36–59. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
37. Виноградова Е. А. Роль публичной дипломатии АЛБА в урегулировании сирийского конфликта // Мировая политика. — 2015. — 1. — С. 55–65. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html
38. Вепринцев В. Б. Влияние информационной составляющей на взаимодействие геополитических субъектов // Мировая политика. — 2015. — 1. — С. 192–212. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12621. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12621.html
39. Карякин В. В. Социально-политические и этно-конфессиональные угрозы общественной безопасности современной России // Международные отношения. — 2014. — 2. — С. 213–221. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11519.
40. Егоров В. Г. Постсоветские независимые государства: поиск формы правления // Международные отношения. — 2014. — 1. — С. 31–46. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.1.9798.
41. Карпович О. Г. Международные организации и их роль в предупреждении, урегулировании и разрешении этнополитических конфликтов // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — 3. — С. 398–405. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.11786.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baluevskii Yu. N. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy formirovaniya Voennoi doktriny Rossiiskoi Federatsii // Voennaya mysl'. 2007. № 3. S. 16.
2. Chekinov S. G. Prognozirovaniye tendentsii voennogo iskusstva v nachal'nom periode XXI veka // Voennaya mysl'. 2010. № 7. S. 22.
3. Tashlykov S. L. Obshchie cherty i nekotorye osobennosti sovremennykh voennykh konfliktov s uchastiem SShA i ikh soyuznikov // Voennaya mysl'. 2010. № 8. S. 21.
4. Malyshev A. I. Voennaya strategiya Rossiiskoi Federatsii v nachale XXI veka // Voennaya mysl'. 2007. № 11. S. 20.

5. Naryshkin V. G. K voprosu o sootvetstviu oblika Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii statusu strany i ikh prednaznacheniyu // Voennaya mysl'. 2009. № 12. S. 5.
6. Chekinov S. G. Tsit. soch. S. 27.
7. Tashlykov S. L. Tsit. soch. S. 23.
8. Gorbunov V. N., Bogdanov S. A. O kharaktere vooruzhennoi bor'by v XXI veke // Voennaya mysl'. 2009. № 3. S. 6.
9. Demidyuk A. V., Khamzatov M. M. 'Molnienosnaya voina' novogo pokoleniya: vozmozhnyi stsenarii // Voennaya mysl'. 2004. № 10.
10. Khamzatov M. M. Vliyanie kontseptsii setetsentricheskoi voiny na kharakter sovremennykh operatsii // Voennaya mysl'. 2006. № 7. S. 15–16.
11. Shtol' V. V. Armiya 'Novogo mirovogo poryadka'. M.: OGI, 2010. S. 152–163.
12. Demidyuk A. V., Khamzatov M. M. Tsit. soch. S. 77–78.
13. Satarov V. Stremitel'nyi global'nyi udar // Krasnaya zvezda. 2007. 18 sentyabrya.
14. Orlov A. Novoe oruzhie dlya bystrogo global'nogo udara poyavitsya u SShA ne ran'she 2015 goda: dokl. Pentagona // Izvestiya. 2007. 11 avgusta.
15. Satarov V. Tsit. soch.
16. Karev I. Polet so mnogimi neizvestnymi // Voенно-промышленный кур'ер. 2010. 12 maya [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.vpk-news.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=14690&Itemid=7 (data obrashcheniya: 12.05.2010).
17. D'yakov A. S. 'Bystryi global'nyi udar' protiv SNV-1 // Nezavisimoe voенное obozrenie. 2007. 14 sentyabrya; Rezchikov A. Tsena global'nogo udara // Vzglyad.ru. 2007. 6 avgusta [Elektronnyi resurs].. URL: <http://www.vz.ru/politics/2007/8/6/99175.html> (data obrashcheniya: 06.08.2007) i dr.
18. Chekinov S. G. Tsit. soch. S. 29.
19. Gorbunov V. N., Bogdanov S. A. Tsit. soch. S. 5.
20. Kornukov A. M. O vozrastanii roli protivoborstva v vozdushno-kosmicheskoi sfere i zadachakh VVS v voennykh deistviyakh v XXI veke // Voennaya mysl'. 2001. № 5. S. 8.
21. Tam zhe. S. 8.
22. Serzhantov A. V., Mortoflyak A. P. Analiz osobennosti sovremennykh voennykh konfliktov // Voennaya mysl'. 2011. № 5. S. 41.
23. Chekinov S. G. Tsit. soch. S. 22–33.
24. Serzhantov A. V., Mortoflyak A. P. Tsit. soch. S. 39–44.
25. Malyshev A. I. Voennaya strategiya Rossiiskoi Federatsii v nachale XXI veka // Voennaya mysl'. 2007. № 11. S. 23–24.
26. Serzhantov A. V., Mortoflyak A. P. Tsit. soch. S. 44.
27. Zarudnitskii V. Voенные aspekty 'tsvetnykh revolyutsii' / Tikhonov A. Otkuda iskhodyat ugrozy miru // Krasnaya zvezda. 2014. 27 maya.
28. Voennaya Doktrina Rossiiskoi Federatsii // Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (data obrashcheniya: 26.12.2014).
29. Gareev M. A. Struktura i osnovnoe sodержanie novoi Voенnoi doktriny Rossii // Voennaya mysl'. 2007. № 3. S. 5.
30. Manoilo A. V. Natsional'no-gosudarstvennye modeli psikhologicheskogo upravleniya konfliktami. // Obozrevatel'-Observer. — 2008. — № 2. — S.118–123.
31. Manoilo A. V. Psikhologicheskie operatsii SShA v Irake. // Kosmopolis. — 2008. — № 1. — S.124–128.
32. Lasariya A. O. Osobennosti etnopoliticheskikh konfliktov na postsovetskom prostranstve // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2015. — 1. — С. 75–77. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13507.
33. Gusher A. I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // Mirovaya politika. — 2014. — 1. — С. 64–75. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
34. Kalachev D. N. Problemy adaptatsii Dogovora ob obychnykh vooruzhennykh silakh v Evrope // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2015. — 1. — С. 92–97. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13711.

35. Galves Derolle P. Brazil — New Age // *Konfliktologiya / nota bene.* — 2014. — 1. — С. 136–139. DOI: 10.7256/.2014.1.13181.
36. Borodinov E. N. Prichiny i sledstviya gosudarstvennogo perevorota na Ukraine // *Mirovaya politika.* — 2014. — 3. — С. 36–59. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
37. Vinogradova E. A. Rol' publichnoi diplomatii ALBA v uregulirovanii siriiskogo konflikta // *Mirovaya politika.* — 2015. — 1. — С. 55–65. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html
38. Veprintsev V. B. Vliyanie informatsionnoi sostavlyayushchei na vzaimodeistvie geopoliticheskikh sub'ektov // *Mirovaya politika.* — 2015. — 1. — С. 192–212. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12621. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12621.html
39. Karyakin V. V. Sotsial'no-politicheskie i etno-konfessional'nye ugrozy obshchestvennoi bezopasnosti sovremennoi Rossii // *Mezhdunarodnye otnosheniya.* — 2014. — 2. — С. 213–221. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11519.
40. Egorov V. G. Postsovetskie nezavisimye gosudarstva: poisk formy pravleniya // *Mezhdunarodnye otnosheniya.* — 2014. — 1. — С. 31–46. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.1.9798.
41. Karpovich O. G. Mezhdunarodnye organizatsii i ikh rol' v preduprezhdenii, uregulirovanii i razreshenii etnopoliticheskikh konfliktov // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.* — 2014. — 3. — С. 398–405. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.11786.